

ленинскому определению преемственности. Из него вытекает, что при создании нового общества нужно учитывать три момента: 1) проводить деструктивные акции, т. е. разрушать все, что мешает рождению нового строя, и вести борьбу с пережитками, характерными для отживающего общества; 2) использовать достижения человечества, существовавшие при старом строе; 3) проводить конструктивные мероприятия по устройству нового общества. В эпоху перехода от античного мира к средневековью было совершенно неясно, что нужно ломать, что сохранять и в чем состояло то новое, которое шло на смену старому. «Сила вещей» (δύναμις τῶν πραγμάτων) и обстановка разрешали эти проблемы стихийно, бесплано, повинувшись создавшимся новым условиям — как социально-экономическим, так и внешнеполитическим.

Но историки должны разобраться в первую очередь, что можно считать пережитками, которые нужно было тогда преодолеть для перехода к новому, прогрессивному строю. Обычно полагают, что основным пережитком являлось рабство и все институты рабовладельческого общества. Но при этом совершенно упускают из виду те архистаринные пережитки, которые принесли с собой варвары: трибализм, семейно-родовые связи, препятствовавшие развитию товарного обращения, примитивные формы суда (котелок и файда), архаическую психику (война считалась почетным промыслом). Без преодоления, с одной стороны, господства в производственных отношениях рабства, с другой стороны — варварской дикости нельзя было построить феодализм как прогрессивный по сравнению с рабовладельческим общественный строй.

Как же обстояло дело с преодолением пережитков старого общественного строя в Византии? Основной пережиток — рабство, на наш взгляд, уже к концу ранневизантийского периода, т. е. к VI в., был в основном пройденным этапом. Рабство сделалось нерентабельным уже с того момента, когда после *Constitutio Antoniana* стала широко предлагаться, как более дешевая, свободная рабочая сила. Применение труда рабов в производстве, характерное для античности, было в основном изжито. Но раб использовался в политических целях: обилие рабов в домах знати придавало ей общественный вес; рабы, кроме того, ценились и использовались для личных услуг. Однако римское право сохранило в своих установлениях этот институт полностью: в дальнейшем, при формировании феодального строя, некоторые особенности института рабства оказали воздействие на складывание наиболее тяжелых форм зависимости. Рабство и все с ним связанные тенденции (вместо положений *do ut des, do ut facias* — пользоваться правом *dominium*) адаптировались и были очень устойчивым пережитком в период феодализма. Но все же рабство в Византии настолько уже оказалось преодоленным, особенно в сельском хозяйстве, что некоторые остатки его не могли препятствовать развитию феодализма.

Можно ли централизацию считать пережитком, препятствующим развитию феодализма? Ведь и на Западе по мере дальнейшего развития феодализма усиливалась борьба против феодальной раздробленности, причем народные массы поддерживали централизаторскую политику королей (как, например, в XII в. во Франции). Что же касается бюрократического аппарата, признаваемого основным пороком римского общества, который якобы тормозил прогресс, то нужно сказать, что историки зачастую находятся под впечатлением источников, полных жалоб на чиновников, которые нарушали законность, занимались взяточничеством и произвольными поборами. Однако сущность бюрократического государственного аппарата и состоит в том, что чиновник должен исполнять предписания и законы, но при этом, пусть хотя бы и в идеале, на каждого чиновника можно приносить жалобу за незаконное действие — вплоть до императора. А на кого и кому можно было жаловаться крепостному крестьянину *jure primae noctis*, кроме господ бога. А на произвол